

ПРУДНОСТИ ПРОГНОЗА

Лилия Сагитова

Прежде всего хотелось бы поблагодарить Майкла Буравого за столь интересную рефлексию состояния современной социологии. Вынесенный в публичное пространство опыт наблюдения и участия в различающихся социологических полях полезен по двум причинам. Во-первых, апелляция автора к Пьеру Бурдьё оказалась, на мой взгляд, плодотворной и помогла выстроить вполне операциональную типологию, использование которой помогает лучше понять состояние и специфику развития нашей дисциплины. Вторая причина — тот сильный импульс к размышлению, который возникает по прочтении статьи. Майкл Буравой сумел в коротком объеме сконцентрировать мозаику национальных социологий, предоставляя тем самым возможность их сопоставления. Для меня, пожалуй, самым ценным стал именно этот аспект — сравнительный анализ региональных отличий вместе с попыткой осмысления их генезиса, а также стремление автора, используя эту призму, понять специфику социологического поля современной России.

На мой взгляд, алгоритм развития и соотношение приведенных Майклом Буравым типов социологии зависят от сочетания нескольких составляющих. Первая — развитость / неразвитость каналов артикуляции социальных интересов. Вторая — специфика института публичности в том или ином регионе, сложившаяся в ходе его исторического развития. Третья — особенности социально-политической конъюнктуры макро- и мезоуровней.

Преобладание профессионализации дисциплины (академической социологии) в Америке, о которой говорит автор, можно рассматривать как следствие того, что в США сложились стабильные каналы артикулирования социальных и групповых интересов в рамках партийной деятельности, хорошо развитых церковных, этнических communities, профсоюзов и различных профессиональных корпораций. Возможность решения социальных проблем в рамках перечисленных институтов, возможно, снижает востребованность активного развития публичной социологии. А развитая дифференциация рынка труда и тенденция к узкой профессионализации способствуют преобладанию профессиональной социологии.

Если рассматривать страны Западной Европы, где публичная социология получила более широкое и глубокое распространение, то здесь следует иметь в виду два фактора. С одной стороны, исторически развитую публичность, которая приобрела свойство габитуса. С другой стороны, мощный стимул — переживание и осмысление периода нацизма в Европе, которые наиболее эффективно могли решаться через публичные дебаты.

Россия в этом смысле имеет специфическое лицо. Если обратиться к историческому наследию, то можно увидеть, что публичность здесь в какой-то мере развивалась. Отсутствие легитимных институтов, посредством которых можно было отстаивать интересы различных социальных групп, привело к активному развитию литературной критики в обход социальных наук. Статьи Радищева, Герцена, Чернышевского, Белинского

и других обсуждались в интеллектуальной среде. Но в отличие от Европы слой акторов публичности был чрезвычайно тонок, а ее институционализация носила фрагментарный характер и отторгалась от родной почвы (как известно, редакция журнала «Колокол» находилась в Лондоне).

Расширение и социальное обогащение публичного поля в период русских революций длилось недолго: советская эпоха канализировала его в рамки комсомольских / партийных собраний и писем (жалоб) в газеты и партийные органы. В эпоху зрелого социализма альтернативная публичность ушла в литературный и художественный андеграунд и правозащитное движение в рамках диссидентства, что по определению исключало ее легитимную институционализацию и широкий слой участников. Публичность выражалась через метафорическую и аллегорическую художественные формы, а также через документальную и правозащитную литературу, не закрепляясь в социальных институтах и социальных науках.

Действие последней составляющей — социально-политической конъюнктуры — на развитие публичной социологии ярко демонстрирует описанный Майклом Буравым кейс Южной Африки. Общественная трансформация, сопровождающаяся сменой власти и радикальным изменением политического курса, дает мощный импульс интеллектуальной элите к переосмыслению социального дизайна и путей дальнейшего развития общества. Здесь степень узости публичной сферы усиливает мощь импульса: чем она меньше и регламентированней, тем сильнее сжатие пружины и выплеск публичных дебатов, а следовательно, и востребованность публичной социологии. Это объяснимо, поскольку в периоды бурных общественных движений не до тихих профессиональных изысканий. И вполне закономерны описываемые автором варианты исхода в период относительной социальной стабилизации: а) замыкание южноафриканских социологов в своем сообществе; б) вхождение в правящий аппарат. Приведенный алгоритм характерен и для сегодняшней России.

Тем не менее пока сложно характеризовать российскую ситуацию как однозначную. Размышления над статьей Майкла Буравого заставляют не согласиться с предлагаемым автором вектором, который рисуется как попытка / необходимость идентификации «владельцев» публичной социологии в России. Введение в оборот слова «владельцы» утверждает жесткую, исключаящую изменения идентичность у самого «владельца». Кроме того, его применение подразумевает приватизацию определенного типа социологии определенными же представителями: академической социологией «владеют» «антизападные социологи-националисты», а публичной — «либеральная интеллигенция». Такая полярность не позволяет увидеть многообразия промежуточного спектра идентичностей российских социологов и исключает подвижность идентичностей, которая стимулируется рядом важных факторов.

Один из них — мотивации к выбору того или иного типа социологии. Своего рода ответ на заданный Майклом Буравым вопрос: «Для чего знание?», но не в объективном, а в субъективном измерении. Профессиональные / карьерные, экономические и идеальные (в нашем случае — ценности гражданского общества) мотивации редко встречаются в чистом виде. Чаще они сочетаются, а смена доминант обуславливает дрейф к тому или иному типу социологии. Опыт показывает, что тот или иной вид мотивации сопряжен с профессиональным статусом. Встречаются разные конфигурации взаимоотношений. Чем выше степень уязвимости профессионального статуса, тем больше усилий предпринимается к укреплению официального статуса и сотрудничеству с властью. В то же время и профессиональная состоятельность не исключает такого сотрудничества. Не всегда работа в академических структурах означает приверженность идеологии власти. Известно множество примеров автономности и независимости академических исследователей.

Пополнение рядов представителей публичной социологии пришлось на перестроечные годы. Помимо общей ситуации перестройки и демократизации общества важную роль в становлении направления сыграли исследовательские программы зарубежных научных фондов. Групповые и индивидуальные гранты помогли выживать российским ученым в трудные 1990-е годы, тем самым способствуя сохранению научного фонда России. С точки зрения профессионализма и научной адекватности исследований, фонды также сыграли свою роль посредством конкурсной системы. Конкурсант был заинтересован в выполнении заявленной работы на высоком профессиональном уровне.

Но есть и еще один важный аспект с точки зрения публичной социологии: это нацеливание грантополучателей на практический результат исследований, который должен был способствовать продвижению местного сообщества к формированию гражданских ценностей и решению актуальных социальных проблем.

Еще одно важное направление — программы повышения квалификации и стажировок, поддерживаемые Фондом Форда, Фондом МакАртуров и другими. Мой личный опыт и мнение коллег¹ свидетельствуют о бесценном опыте профессионального общения с ведущими отечественными и зарубежными учеными в области социальных наук, который дает не только возможность понимания стандартов мировой науки, но и ощущение ее пульса. Мне кажется, что такие программы способствуют синтезу профессионального и публичного направлений в российской социологии.

Попытка персональной идентификации (кто в каком направлении работает) в российском научном поле в силу его сильной идеологизации приводит к упрощенному взгляду на разделение социологического труда. Велик соблазн распределить ученых по направлениям, следуя сложившимся идеологическим стереотипам. Согласно им академический ученый по определению не может быть независимым. Пригретый властью, он обслуживает ее и стремится занять официальный статус, восходя по карьерной лестнице. Публичный социолог — оппозиционер власти, независимый, социально ориентированный и борющийся за права человека ученый. Прикладник — социолог, делающий деньги на обслуживании власти и бизнеса. И лишь критический социолог не поддается идеологическому клише, поскольку преимущественно работает в поле профессии.

Обсуждаемая типология, как мне кажется, хорошо работает на макро- и мезоуровнях, когда исследуются тенденции развития социологии в целом или национальная специфика регионов. Мне сложно ответить на вопрос о конкретных персонах не в силу стремления сохранить политкорректность. Дело в том, что идентификация определенной личности в рамках обсуждаемой типологии сложна: это занятие схоже с процессом дистилляции. Основная трудность связана с вопросом о том, что принимать за сущностную черту. Место работы или то, чем ученый занимается? По месту работы идентифицировать легко. А вот по исследовательской деятельности сложно, потому что деятельность ученого может укладываться в рамки одного типа, а может покрывать несколько типов. Как правило, все известные социологи многогранны. К какому типу, например, можно отнести Юрия Леваду? Высокий уровень прикладных исследований его центра основан на профессиональной компетенции, а их общественная актуальность, наряду с гражданской позицией ученого, свидетельствует о принадлежности к трем типам социологии: профессиональной, прикладной и публичной.

Большой крен в профессионализацию не снижает социальной значимости исследований ученого. На мой взгляд, выполненные на высоком профессиональном уровне работы способны дать для развития общества столько же, сколько и участие публичных социологов в общественной жизни. Другое дело — эффективность политического габитуса и институтов, ответственных за использование социального знания для совершенствования общественной жизни. Исследования постсоветского национализма и этничности рабочей группой Леокадии Дробижевой профессиональны с точки зрения науки. При этом известна ее деятельность как консультанта в Государственной думе РФ по национальным вопросам. Можно ли эту деятельность отнести к публичной социологии? С точки зрения идеологических клише — нет, поскольку ведется разговор с властью. С точки зрения возможных средств и каналов для решения внутривнутриполитических и общественно значимых проблем — да, такую деятельность в определенном смысле можно отнести к публичной социологии.

Статьи Виктора Шнирельмана сочетают ревизию методологии и в то же время публично ориентированы. Например, он показывает, как отсутствие рефлексии по поводу используемой российскими учеными методологии способствует обоснованию расизма в науке, политических решениях и повседневности. Его

¹ Аспиранты, молодые преподаватели и ученые из регионов, имевшие опыт обучения на курсах при Институте социологии РАН с участием ЦНСИ и курсах в Центре социологии культуры при Казанском государственном университете, получившие стажировки в ЦНСИ, участвовавшие в исследовательских программах Смольного института свободных искусств и наук.

можно отнести и к профессиональному, и к критическому, и к публичному направлениям. Но следует учесть, что он по цеху не социолог, а антрополог, работающий в системе Академии наук.

Даже идеологически выверенный курс kotiрующегося среди социологов Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) не позволяет отнести его к определенному типу, поскольку в его стенах социологи занимаются и социально значимыми научными, и прикладными исследованиями, а высокий уровень профессионализма — основное требование для его сотрудников. При всех перечисленных составляющих публичная социология играет здесь ведущую роль, а концентрированную выраженность получает в лице директора ЦНСИ Виктора Воронкова. Но при этом он не чужд и критической социологии.

Попытка применить типологию М. Буравого на микроуровне приводит к ряду вопросов: Сводится ли академическая социология к карьерному росту? Отрицает ли карьерный рост профессионализм? Всегда ли академичность означает внутривидовую замкнутость и самодостаточность? В каких отношениях с властью находятся социологи, работающие в академической системе? Что такое независимость в нашем случае? Это обязательная, публично выражаемая оппозиция власти? Чем и как оценивается независимость ученого?

Публичная социология, по известным причинам не развившаяся в советских условиях, является западным продуктом. Ее привлекательность для российских ученых обусловливается спецификой научной социализации. Часть старшего поколения ученых, выросшего в системном догматизме советской науки, в силу утвердившегося мировоззрения способна работать в профессиональной (карьерной) социологии. Однако сфера их деятельности не ограничивается системой Академии наук. Система университетского образования также богата представителями этого направления. Небольшая часть этой генерации, имевшая возможность знакомиться с западной наукой и применять ее в профессиональной деятельности, реализует себя и в академической, и в прикладной, и в публичной социологии.

Большая часть представителей публичной социологии представлена учеными среднего возраста, научная социализация которых пришлось на конец XX столетия. Это тот самый «переходный период», об особенностях которого говорит Майкл Буравой. Стажировки в западных научных центрах, общение с западными учеными, участие в совместных исследованиях и конференциях задавали новый уровень профессионализма и в целом взгляда на науку, сильно отличающегося от советских стандартов. Не обоснование решений партии, а возможность адекватного изучения того, что происходит с трансформирующимся обществом и попытка участия в социальной инженерии — вот новый вектор, определявший профессиональную мотивацию многих ученых этой генерации.

Однако снижение социально-политической подвижности в начале нового века имело последствия, которые коснулись и социологии. Утрата иллюзий о скором преобразовании в рыночную экономику западного образца, усиление властной вертикали и сужение самостоятельности общественного сектора привели к той же ситуации, что и в ЮАР.

Важную роль для развития публичной социологии играет фактор востребованности социологического знания в его практическом измерении. В современной России политическая элита преимущественно обращается к социологам в периоды предвыборных кампаний или же для легитимации принимаемых решений (где «результаты» социологических исследований играют роль экспертного или общественно значимого основания). Фрагментация и неразвитость гражданского общества лишают публичную социологию социальной почвы.

Сужение поля востребованности публичной социологии в России последнего десятилетия шло параллельно с утверждением ценностей общества потребления и консюмеризма. Потребность развития рынка привела к росту доли социологов-прикладников. Значительная асимметрия бюджетных зарплат и оплаты труда в социологических фирмах усиливает приток именно в эту сферу. Если говорить о возрастных характеристиках, то очевидно, что приток в академическую сферу все больше усыхает. Сохраняется и имеет небольшую тенденцию к увеличению сфера прикладной социологии. Публичная и критическая социология имеют пестрый возрастной состав, но их география ограничена столичными центрами.

Если говорить о татарстанской региональной специфике, то можно отметить большую развитость прикладной социологии. Удаленность от политики и хороший доход привлекают в эту сферу новые силы. Сочетание прикладного, профессионального и публичного направлений можно увидеть в негосударственных организациях (Центр аналитических исследований и разработок под руководством Александра Салагаева, возглавляемая мной автономная некоммерческая организация «Институт социальных исследований и гражданских инициатив»).

Академическая социология сошла на нет, поскольку Институт социальных и экономических исследований в системе Академии наук Республики Татарстан (АН РТ) был упразднен несколько лет назад. Небольшая группа социологов, к числу которых принадлежу и я, работает в Институте истории АН РТ. Существуют центры при университетах, где проводятся прикладные и учебные исследования. Академическое направление компенсируется региональными отделениями РОС и РОСА. Их «публичная» деятельность выражается в проведении ежегодных Казанских социологических чтений и научных конференций.

Неразвитость и фрагментарность социологической инфраструктуры в республике приводит к тому, что здесь отсутствуют плотность и интенсивность внутрипрофессионального общения, а это одно из необходимых условий публичной социологии. Какое-то время консолидирующую роль выполнял Центр социологии культуры при Казанском государственном университете. Энтузиазм его руководителя Сергея Ерофеева успешно реализовался благодаря программе «Темпус», поддержке Фондом Форда курсов повышения квалификации для ученых, работающих в области общественных наук. В определенной степени (наряду с профессиональным направлением) деятельность Центра можно отнести к публичной социологии.

На самом деле попытка Майкла Буравого охарактеризовать ситуацию с социологией в современной России через призму путешествий по национальным социологиям подвигает к постановке новых вопросов. Его наблюдения о том, что поворот от публичной социологии к прикладной не демонстрирует зависимости от социально-политической и экономической модели государства, и в то же время его акцент на национальной специфике заставляют искать основания названных различий. В ряду примеров представляют интерес два момента.

Первый связан с описанием ситуации в странах бывшего советского блока. Обращает на себя внимание отличие болгарской социологии, где преобладало сотрудничество с партийно-государственным аппаратом, от венгерской и польской социологий, для которых были характерны автономность и профессионализация. Второй — сравнение развития социологии в России и Китае. Замечание Майкла Буравого о том, что «остается непонятным, почему китайская социология более динамична в сравнении с российской при всем сходстве их общественно-политического развития», заставляет искать этимологию различий в цивилизационной специфике стран, а именно в религии. Сходство болгарской и российской социологий скорее всего обусловлено влиянием православия; основанием сходства польской и венгерской моделей может служить католицизм², а конфуцианство обусловило специфику китайской модели. Мне неизвестны изыскания в этом направлении. Но влияние религиозной матрицы на картину мира, стереотип поведения и — как следствие — на политическую и интеллектуальную культуру безусловно. Формат моего эссе не позволяет мне углубляться в эту тему, но поиск в данном направлении, как мне кажется, может оказаться плодотворным.

² Здесь хотелось бы процитировать высказывание из известной статьи Андрея Амальрика «Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года?»: «Заслуживает внимания и то, что Россия заимствовала христианство не у динамичной и развивающейся молодой западной цивилизации, а у закостенелой и постепенно умирающей Византии, и это не могло не наложить глубокий след на дальнейшую русскую историю».